

На втором этаже располагались комнаты для отдыха. Хотя на балконах и стояло несколько кресел, но поскольку почти все находились на первом этаже, они были практически бесполезны. Поднимаясь, Е Ваньсин не встретил ни души.

Он подошёл к балкону, где, как ему показалось, он видел Цинь Хуая. На балконе даже не горел свет, вокруг было темно и пугающе тихо. Цинь Хуая здесь не было. «Может, мне показалось?» — подумал Е Ваньсин. Он ещё раз осмотрелся, ничего не нашёл, но снизу донёлся шум. Отправив Цинь Цуну короткое сообщение, Е Ваньсин спустился вниз и увидел, как хозяин вечера встречает у входа молодого человека.

Он выглядел ненамного старше его самого, но был очень мужественным, что редко встречалось в индустрии — красивый и брутальный типаж. У него были немного глубоко посаженные черты лица, скорее всего, он был метисом.

— Эй, это не Ци Дун, который недавно получил премию за лучшую мужскую роль второго плана?

— Это он. Кто он такой, что старик лично вышел его встречать?

— Кто знает, но получить премию за первый же фильм... может, он из богатой семьи?

Перешёптывающиеся люди выглядели незнакомыми. Е Ваньсин в последнее время усердно изучал мир шоу-бизнеса, но об этих двоих ничего не слышал, поэтому перестал обращать на них внимание.

В этой индустрии пробиваются только умные. Те, кто сплетничает на таких мероприятиях, большим умом не отличаются.

— Ещё не поздравил тебя с успешным дебютом. Получил награду с первого раза, твоя мама, должно быть, очень рада. Ведь есть кому продолжить её дело, ха-ха-ха, — громко смеялся старик Чжэн Тун, но не забывал говорить тише. Ведь этот парень использовал псевдоним, а значит, не хотел, чтобы его настоящее имя стало известно.

Ци Дун подавил раздражение и с естественной улыбкой ответил: — Эту награду я получил благодаря поддержке режиссёра, иначе где бы у меня была возможность столькому научиться.

Он ни слова не сказал о матери, и его намёк был очевиден. Хотя Чжэн Тун был недоволен, он не стал спорить с младшим. К тому же, вечер требовал его внимания, поэтому, обменявшись парой фраз, он поспешно ушёл.

Без этого старого лиса рядом Ци Дун заметно расслабился. Подняв голову, чтобы осмотреть зал, он встретился с ясным взглядом Е Ваньсина, стоявшего неподалёку. Он на мгновение замер, затем взял бокал с подноса проходившего мимо официанта и издали кивнул. У Е Ваньсина в руках не было бокала, поэтому он просто естественно кивнул в ответ.

«Интересно», — подумал Ци Дун, сделав глоток вина. Он уже некоторое время вращался в этой среде, но впервые видел человека с таким чистым и ясным взглядом. Подумав, он направился к нему, намереваясь познакомиться.

Е Ваньсин не ожидал, что простое внимание привлечёт к нему этого человека, но он не растерялся и остался стоять на месте, ожидая, пока Ци Дун подойдёт.

— Е Ваньсин, — как только Ци Дун приблизился, он услышал ещё немного юношеский голос.

— Ци Дун.

Они обменялись именами, и это можно было считать знакомством.

По совпадению, оба впервые были на таком вечере. Хотя у них и были свои планы, но, придя сюда, они поняли, что им не очень нравятся такие мероприятия. Увидев человека, с которым, казалось, можно было найти общий язык, они начали непринуждённо болтать.

Е Ваньсин прожил две жизни, а Ци Дун с детства вращался в этой среде и был очень зрелым. Они неожиданно нашли общий язык, их взгляды на многие вещи совпадали, и между ними возникла некоторая симпатия.

Ци Дун был поражён зрелостью Е Ваньсина, а Е Ваньсин, в свою очередь, — непоницаемостью Ци Дуна. Но не успели они долго поговорить, как сзади раздался другой голос: — Вы так весело болтаете, мне даже стало интересно, о чём вы говорите.

На лицах обоих промелькнуло недовольство, но они быстро его скрыли и обернулись. В глазах Е Ваньсина промелькнуло удивление. Эта женщина всё ещё осмеливается лезть к нему?

— Сестра Мо Ли.

— Сестра Мо Ли.

Они оба поздоровались, и изысканный макияж на лице Мо Ли на мгновение треснул. Она считала себя красивой, и обычно её не называли «сестрой», ведь она выглядела молодо. А тут её назвали так дважды, и она не могла возразить, потому что действительно была старше их обоих.

Е Ваньсин и Ци Дун быстро переглянулись с озорной усмешкой. Они сделали это намеренно. Почему эта женщина не умеет читать по лицам и вмещивается, когда они так увлечённо беседуют?

Но в этой индустрии больше всего ценится актёрское мастерство. Мо Ли быстро справилась с раздражением и, сменив выражение лица на дружелюбное, подошла к Е Ваньсину.

— На шоу в прошлый раз я тебе очень благодарна за заботу, иначе я бы не знала, как выжить. Я выпью за тебя, — сказала она, взяв два бокала у проходившего мимо официанта. Один она протянула Е Ваньсину, а другой залпом выпила сама.

Выражения лиц Е Ваньсина и Ци Дуна стали немного странными. Они не могли не знать, что сейчас в трендах Вэйбо. Эту женщину интернет-пользователи почти что смешали с грязью, а она сейчас подходит к Е Ваньсину, чтобы поблагодарить и выпить за него? Либо она совсем глупа, либо...

Е Ваньсин посмотрел на протянутый ему бокал, и в его глазах промелькнула недоброжелательность. После перерождения он, кажется, был слишком милосерден к тем, кто причинял ему вред, и они снова и снова лезли к нему.

Ци Дун тоже заметил неладное и хотел было сменить тему, но Е Ваньсин внезапно протянул руку и взял бокал. Он встревожился и хотел что-то сказать, но взгляд Е Ваньсина остановил его. Он понял: его новый знакомый не так уж и глуп.

Е Ваньсин, конечно, не был глуп, но ему было интересно, чего добивается эта женщина. Он

поднёс бокал к губам и увидел, как уголки губ Мо Ли непроизвольно приподнялись. Мысли пронеслись в его голове. Она что-то подмешала в вино? Как это возможно? Попасть на такой благотворительный вечер — уже большая удача, как она могла это сделать?

Или она хотела его опозорить? Непохоже, выражение лица было совсем другим. Размышляя, Е Ваньсин всё же коснулся губами бокала, но лишь слегка пригубил и опустил его с виноватым видом.

— У меня небольшая аллергия на алкоголь.

Лицо Мо Ли стало очень выразительным: на нём смешались смущение и радость. Е Ваньсин всё больше недоумевал.

— Ничего, как хочешь. Тогда вы продолжайте болтать, а я пойду... Ай! — сказала Мо Ли и, повернувшись, споткнулась, упав прямо на Е Ваньсина!

— Ах! Прости, прости, твоя одежда! — извинялась Мо Ли, прикусив губу и с покрасневшими глазами. Её шёлковый платок тёр мокрое от вина пятно на одежде Е Ваньсина, но торжествующий блеск в её глазах был слишком явным, и Е Ваньсин с Ци Дуном его заметили.

...Е Ваньсин потерял дар речи. Он не ожидал, что переоценил противника, и тот прибегнет к такому низкому трюку. Да, для многих артистов такой вечер — редкая и важная возможность, но для Е Ваньсина всё было иначе. В его голове хранилось слишком много важных воспоминаний из прошлой жизни, и некоторые возможности были у него под рукой. Этот трюк Мо Ли не имел для него большого значения. Максимум, что могло случиться, — это то, что пробравшиеся на вечер папарацци напишут о нём какую-нибудь гадость.

Ци Дун тоже не ожидал, что эта женщина опустится до такого, это было просто отвратительно. Он перестал обращать на неё внимание и повернулся к своему новому знакомому: — Помощь нужна?

Е Ваньсин махнул рукой. Он понял, что имел в виду Ци Дун. То, что старик Чжэн Тун лично его встречал, говорило о многом. Речь шла о том, чтобы найти ему новый костюм.

Но сейчас ему этот вечер надоел. Благотворительностью можно заниматься когда угодно, главное — желание. Он сказал: — Ничего, я поднимусь в комнату отдохнуть.

Они разговаривали непринуждённо и не заметили, как на лице Мо Ли, стоявшей рядом, появилась восторженная улыбка, когда она услышала слова Е Ваньсина. Е Ваньсин тем более не заметил, что когда он пошёл на второй этаж искать комнату отдыха, за ним кто-то последовал.

До начала благотворительного аукциона оставалось не так много времени. Когда Е Ваньсин поднялся на второй этаж, только одна комната была занята, остальные пустовали. Он выбрал любую и вошёл.

Комната была хорошей, в ванной даже был фен. Е Ваньсин решил высушить одежду. Он снял пиджак и рубашку, накинул на верхнюю часть тела халат и стал ждать.

Шум снизу постепенно стих. Е Ваньсин моргнул. Неужели началось? Почему так тихо?

Он хотел было выглянуть и послушать, что происходит, но, поскольку был без рубашки, решил подождать, пока одежда высохнет, и потом спуститься.

Но постепенно он почувствовал, что всё плывёт перед глазами, голова стала тяжёлой, а ноги — ватными. Он напрягся, поняв, что попал в ловушку, но не смог противостоять действию наркотика и тяжело рухнул на кровать.

Аукцион внизу был в самом разгаре. Многие звёзды, искренне или для показухи, выставили на продажу много хороших вещей, которые были проданы по неплохим ценам.

Ци Дун, как новичок, не собирался привлекать к себе много внимания, поэтому просто наблюдал. Лишь однажды он купил за цену, соответствующую его статусу, небольшой рог, который показался ему интересным. Остальное время он скучающе наблюдал за выражениями лиц звёзд, пытаясь прочитать в них что-то интересное для себя.

Но на самом деле, находясь рядом с матерью, он узнал много секретов, и сейчас смотреть на этих людей в масках было очень скучно. Он огляделся и посмотрел в сторону лестницы на второй этаж.

«Может, пойти к своему новому знакомому?» — подумал он.

Как раз в этот момент на аукцион выставили ночную рубашку популярной актрисы, которую она, то ли для пиара, то ли по какой-то другой причине, решила продать. Все были очень возбуждены. Он посмотрел по сторонам и, воспользовавшись тем, что всё внимание было приковано к аукциону, сделал вид, что ему нужно в туалет, и выбрался из толпы.

На лестнице было пусто, и воздух стал свежее. Настроение Ци Дуна улучшилось, но, чтобы не привлекать внимания, он на цыпочках поднялся на второй этаж.

— Вот эта комната.

Как только Ци Дун поднялся, он увидел, что перед плотно закрытой дверью стоят двое. Та, что говорила, разве не была бывшей ребёнком-звездой Тун Мань? Почему у неё такое странное выражение лица?

Ци Дун инстинктивно присел, спрятавшись за лестницей. И тут он увидел, как толстый мужчина с лицом свиньи, которого Тун Мань привела к двери, с отвратительной похотливой улыбкой держит в руках ключ-карту.

Что-то не так! Совсем не так! Лицо Ци Дуна стало серьёзным. На таких вечерах, где просто арендуют помещение, комнаты для отдыха на втором этаже обычно оставляют открытыми. Если дверь закрыта, значит, внутри кто-то есть. Чтобы обеспечить конфиденциальность звёзд, ключ-карты не используются. Но этот мужчина сейчас был приведён к определённой комнате и собирался открыть её ключ-картой?

Ци Дун не был дураком. Дверь заперта, значит, внутри кто-то есть. И если Тун Мань с таким выражением лица привела сюда этого мужчину, то, даже предполагая самое худшее, это были проклятые скрытые правила.

Ци Дун не знал, стоит ли ему вмешиваться, но у него не было времени на раздумья. Мужчина уже открыл дверь, а выражение лица Тун Мань стало ещё более странным: в нём смешались облегчение, отчаяние и чувство вины, отчего у Ци Дуна сжалось сердце.

«Твою мать! Я ненавижу видеть такое!» — Ци Дун больше не мог сдерживаться. Он бросился вперёд и, протиснувшись мимо свиноподобного мужчины, успел хорошо разглядеть, что происходит в комнате.

На кровати, предназначенной для отдыха, лежал крепко спящий мужчина! Он ещё не совсем избавился от юношеской наивности, на подбородке не было ни единой щетинки. Да он, может быть, ещё несовершеннолетний!

Чёрт! Ци Дун пришёл в ярость и со всей силы ударил свиноподобного мужчину по лицу, сбив его с ног.

— Ты... что ты делаешь?! — Тун Мань была в ужасе. Откуда взялся этот сумасшедший? Он хоть понимает, что делает? Он ударил господина Чжао! Точно! Господин Чжао!

Тун Мань с паникой на лице вбежала в комнату. Господин Чжао лежал на полу без сознания с кровоточащим носом. У неё подкосились ноги, и она рухнула на колени, жалобно всхлипывая.

— Господин Чжао... Господин Чжао...

Ци Дун с отвращением посмотрел на неё. Не нужно было быть гением, чтобы понять, что состояние человека на кровати как-то связано с ней. Его затошнило от омерзения.

Он перешагнул через жирную свинью на полу, «случайно» задев Тун Мань. Но та, казалось, ничего не почувствовала, лишь с выражением вселенской катастрофы на лице смотрела на лежащего на полу мужчину, и слёзы хлынули из её глаз.

Ци Дун подошёл к кровати, чтобы проверить спящего мужчину. Подойдя ближе, он с удивлением обнаружил, что это был Цинь Саньцзянь, которого СМИ в последнее время постоянно сравнивали с ним.

Он на мгновение замер, а затем разозлился ещё больше. Хотя ему и не нравилось, что его постоянно сравнивают с этим парнем, это доказывало, что они были равными соперниками. И теперь его соперника подставили таким образом, что сдерживаемые им эмоции вырвались наружу. Он холодно обернулся и посмотрел на молчаливо плачущую лицемерку на полу.

— Я не знаю, какую роль ты сыграла в этом, но теперь пути назад нет. Лучше расскажи мне всё, что знаешь, иначе...

Тун Мань безучастно посмотрела на него, горько усмехнулась, и, волоча уставшее тело, закрыла дверь. С чувством облегчения и девятью долями отчаяния она рассказала всё по порядку.

Тун Мань была ребёнком-звездой, это знали все в индустрии. Но никто не понимал, как она, сирота, смогла ею стать.

Сразу после рождения родители бросили её. Говорили, что они хотели мальчика, но когда родилась ещё одна девочка, они почувствовали, что не смогут её прокормить, и оставили её у ворот приюта.

Можно сказать, что они не совсем потеряли человечность, но Тун Мань ненавидела их. Она предпочла бы умереть в холодную зиму, чем попасть в ловушку этого ужасного приюта.

Возможно, у родителей Тун Мань были хорошие гены. С детства она была красавицей, и уже в юном возрасте проявляла незаурядное обаяние. Мальчики в приюте часто дрались из-за неё, можно сказать, она была роковой женщиной.

Однако никто не знал, что эта маленькая девочка очень, очень давно потеряла свою

невинность.

И именно тот человек привёл её в эту индустрию, дал ей возможность развиваться, но при этом контролировал её, превратив в дойную корову, в рабыню самого низшего пошиба.

Её выражение лица постепенно становилось бесстрастным, словно она говорила о ком-то совершенно постороннем. Ци Дун догадывался о некоторых вещах, и ему становилось всё более отвратительно. Слушая, он пытался разбудить мужчину на кровати.

— Бесполезно, у них есть какой-то препарат. Если его вдохнуть, человек будет спать двадцать четыре часа, и даже если его... он не проснётся, — равнодушно сказала Тун Мань, но оба поняли, что она имела в виду.

Ци Дун отпустил мужчину и повернулся к ней: — Ты сама в бездне, разве ты не знаешь, как это больно? Зачем ты тащишь его за собой?

Тун Мань молчала. А что она могла сделать? После того как она стала совершеннолетней, тот человек постепенно потерял к ней интерес, но вместо этого начал заставлять её искать для него новую цель.

Первый год она ещё могла отнекиваться, ссылаясь на работу, но в этом году она постепенно потеряла все контракты и оказалась на его иждивении. Если она не выполнит его требования, то, боюсь, её...

— На твоём месте я бы лучше умерла, чем позволила бы этому случиться с кем-то ещё. Я бы предпочла утащить такого дьявола с собой в ад, — сказал Ци Дун, словно угадав её мысли. В его голосе звучала нескрываемая злость, но он говорил то, что думал на самом деле.

— Предпочла бы... умереть? — пробормотала Тун Мань, глядя на него. В глазах Ци Дуна была такая явная решимость, готовность скорее разбиться вдребезги, чем сдаться, словно неугасимое пламя, которое сжигало каждый сантиметр её кожи.

— Да... лучше умереть, — с горькой усмешкой сказала Тун Мань. В её глазах постепенно разгоралась ненависть. Она ненавидела того человека. Если бы не он, разве она докатилась бы до такого! Она хотела, чтобы он умер!

— Но даже если ты умрёшь, толку не будет, — сказал Ци Дун, оттащив бесчувственное тело свиноподобного мужчины под кровать. Его холодные слова погасили пламя ненависти в душе Тун Мань.

— Если ты сейчас умрёшь, это ничего не изменит. На твоём месте я бы жила и рассказала бы всем о его делах, а потом показала бы ему, как прекрасно я живу, — порыскав в одежде мужчины на кровати, Ци Дун с удовлетворением нашёл мобильный телефон. Сказав это, он попытался нажать на кнопку быстрого набора, и, к его удивлению, вызов пошёл.

У Цинь Цуна было ужасное настроение. Он знал, что Е Ваньсин пошёл на вечер, и знал, что тот надеялся его там увидеть, но...

Он провёл пальцами по металлу инвалидного кресла. Холодное прикосновение было настолько знакомым, что вызывало отвращение. Шрам на его лице казался ещё более ужасным. Он попытался улыбнуться своему отражению в телефоне, но получилась лишь пугающая гримаса.

Молча вернув губам прежнее положение, Цинь Цун провёл пальцами по экрану. Что же этот

юноша, который был намного моложе его, нашёл в нём?

Пока он размышлял, внезапно позвонил Цинь Хуай. На лице Цинь Цуна на мгновение появилось доброе выражение, и он ответил.

— М-м?

Такой тон, который он использовал только с близкими, удивил Ци Дуна. Голос казался принадлежащим зрелому мужчине. Может, это отец Цинь Саньцяня?

Он вежливо спросил: — Вы... отец Цинь Саньцяня?

Цинь Цун сразу понял, что что-то не так. Он не стал спорить, а лишь спросил: — Что с ним?

Ци Дун быстро рассказал о случившемся, назвал адрес и, посмотрев на Тун Мань, добавил: — Я считаю, что ради Цинь Саньцяня лучше решить всё по-тихому.

Он мог быть импульсивным, но Цинь Саньцянь — нет. В этой индустрии малейший намёк на скандал, и хищные СМИ, как акулы, набросятся и разорвут на куски.

Если Цинь Саньцянь собирается продолжать карьеру, то такое пятно на репутации будет для него фатальным.

— Ждите, — бросил Цинь Цун и повесил трубку.

Ци Дун открыл рот. Похоже, у отца Цинь Саньцяня не самый лучший характер. Впрочем, в такой ситуации вряд ли кто-то остался бы в хорошем настроении.

Ци Дун положил телефон обратно в карман Цинь Хуая и посмотрел на Тун Мань на полу: — Ты слышала. Лучше уходи сейчас, иначе я не знаю, что может случиться.

Тун Мань с благодарностью посмотрела на него, но, стиснув зубы, решила остаться.

Может, она и несчастна, но она втянула в это невинного человека. Он был самым невинным. Раз она ошиблась, она должна ему извинение.

Ци Дун, видя её упрямство, больше ничего не сказал и присел в углу кровати. Затем, подумав, он вытащил мужчину из-под кровати и связал его верёвкой. Не спрашивайте, откуда у него верёвка. Он нашёл её, когда тащил мужчину, и обнаружил под кроватью много интересного.

Повесив трубку, Цинь Цун немедленно выехал из резиденции Цинь. Он позвонил Е Ваньсину.

Но, к его удивлению, тот не ответил. Он попробовал ещё дважды, но ответа не было. Его лицо резко изменилось.

— Господин Цинь... — дворецкий, услышав, что с Цинь Хуаем что-то случилось, настоял на том, чтобы поехать с ним. Он с беспокойством смотрел на лицо Цинь Цуна и понимал, что с ним что-то не так.

— Он тоже... не отвечает, — почти прорычал Цинь Цун и резко закрыл глаза. Если... если...

— С молодыми господами всё будет в порядке, — успокаивал его дворецкий, но сам тоже был в панике. В последние два года он редко видел господина Циня в таком состоянии. Он боялся, что у него снова начнётся приступ...

Цинь Цун молчал. Только он знал, что, как только он закроет глаза, он увидит этого игривого юношу, всего в крови, лежащего бездыханно. Его тёплые губы, которые он так любил, станут бледными и холодными, а его тело будет растерзано, как тогда...

От него исходила такая ярость, что всем в машине стало трудно дышать. Цинь Цун коснулся холодного инвалидного кресла и резко открыл глаза. Он достал из термоконтейнера в машине несколько таблеток и проглотил их.

— Господин Цинь, вы... — запаниковал дворецкий. Неужели всё так серьёзно?

— Ничего. Быстрее, — сказал Цинь Цун. Таблетки не улучшили его состояние. Его глаза постепенно наливались кровью, словно хищный зверь, теряющий последний рассудок.

Аукцион подходил к концу. После того как был продан последний лот, пожертвованный хозяином вечера Чжэн Туном, он произнёс благодарственную речь, и вечер закончился.

— Старый господин, — подошёл к нему распорядитель. Чжэн Тун вытер слёзы, выступившие от волнения. Его лицо больше не было добрым и сострадательным, а стало холодным и жестоким.

— В чём дело?

— Тот, о ком я вам говорил, доставил товар, как и договаривались. Комната 209, — почтительно склонил голову распорядитель, не смея поднять на Чжэн Туна глаза. Те, кто работал с ним, давно привыкли к его двуличности.

— Хорошо. Когда я проверю товар и если он будет хорош, отдай ей то, что она просила, — Чжэн Тун взял у ассистента тёплое полотенце, вытер руки и, удовлетворённо кивнув, бросил его на пол и перешагнул.

Ассистентка с безразличным видом подняла полотенце. Когда она присела, на её запястье мелькнул синяк, словно от верёвки, но он быстро скрылся под длинным рукавом.

В комнате Ци Дуну становилось нетерпеливо. Он уже видел из окна, что вечер закончился, и гости расходятся. Если они задержатся, то скоро кто-нибудь придёт проверять комнаты, и если их обнаружат...

Пока он думал об этом, в дверь постучали. Он инстинктивно выпрямился, но увидел дрожащую Тун Мань.

Эта женщина...

Ци Дун не успел ничего подумать, как в дверь снова размеренно постучали, и раздался спокойный мужской голос: — Откройте.

Это тот, кто отвечал по телефону! Ци Дун обрадовался и пошёл открывать дверь, но был ошеломлён видом целой толпы людей в чёрном. Когда он разглядел человека в инвалидном кресле во главе процессии, он был потрясён. Это... это же господин Цинь?

Он тут же почтительно склонил голову: — Господин Цинь.

— Ты меня знаешь, — это было утверждение. Выражение лица этого юноши выдало его.

— Да, я однажды видел господина Циня на дне рождения моей матери, — не стал скрывать Ци Дун. С этим человеком лучше не шутить.

— Твоя фамилия Ци, — сказал Цинь Цун, посмотрев на его лицо. Метис... значит, это та женщина.

— Да, — кивнул Ци Дун, становясь ещё более почтительным.

— Господин Цинь, что делать? — телохранители вынесли Цинь Хуая, взвалили на плечо свиноподобного господина Чжао и схватили Тун Мань, ожидая указаний Цинь Цуна.

Цинь Цун молчал, лишь мельком взглянул на мужчину на плече телохранителя, и тот сразу всё понял. — Понял.

— Угу.

Ци Дун, видя эту сцену и зная, кто перед ним, с облегчением вздохнул. Похоже, ему не придётся выслушивать нотации матери и просить её уладить его проблемы. Он поднял голову и увидел, что последняя комната всё ещё плотно закрыта, и ему стало любопытно.

— Все ушли, почему ещё одна...

Не успел он договорить, как заметил, что взгляд господина Циня прикован к этой двери.

— Кто вы такие?! — раздался яростный крик. Чжэн Тун поспешно подошёл и, увидев Ци Дуна и остальных, ахнул.

— Ци Дун! — взревел он. — Я к тебе со всей душой, а ты пришёл сорвать мой вечер?

Ци Дун был в недоумении. Он сорвал вечер? Он был один, как он мог что-то сорвать?

Ему и так не нравился этот старый лис, который постоянно пытался давить на него авторитетом старшего, чтобы выведать контакты его матери. Он с вызовом ответил:

— А ты себя спроси, зачем ты поднялся на второй этаж после окончания вечера.

Лицо Чжэн Туна слегка изменилось, но он быстро это скрыл. Однако его ассистентка внезапно подняла голову и с недоверием посмотрела на Тун Мань. В её взгляде было слишком много всего.

Сердце Ци Дуна сжалось. Он повернулся к Цинь Цуну и почтительно сказал: — Господин Цинь, вы ведь не боитесь проблем? — Судя по всему, тот человек, о котором говорила Тун Мань, — это, скорее всего, известный своей благотворительностью Чжэн Тун. Иначе как юная сирота могла так легко попасть в шоу-бизнес?

— Забрать всех, — холодно бросил Цинь Цун, не сводя глаз с последней двери.

— Выломайте дверь.

— Есть!

Чжэн Тун запаниковал. Он пытался вырваться из рук людей в чёрном, но безуспешно. Он лишь мог беспомощно смотреть, как выламывают дверь, и из неё, пошатываясь, выбегает человек.

Е Ваньсин, с кружащейся головой, выбежал и сразу увидел мужчину с налитыми кровью глазами и холодным выражением лица. Он, пошатываясь, подошёл и рухнул ему на колени.

— Ты пришёл.

В сердце Цинь Цуна вспыхнула ярость. Он смотрел, как юноша пытается открыть затуманенные глаза, как его ослабевшее тело прижимается к нему. Он медленно поднял руку и крепко прижал его к своей груди, пытаясь успокоиться.

— Возвращаемся, — сказал дворецкий, видя, что ситуация выходит из-под контроля. Он приказал телохранителям отвезти всех домой. Он не забыл о Ци Дуне и любезно пригласил его переночевать в резиденции Цинь.

Ци Дуну было всё равно, куда ехать. Но его разбирало любопытство, и ему было интересно узнать больше о юноше, который явно был дорог господину Циню. Он также хотел узнать у своего нового знакомого, как ему удалось завоевать сердце господина Циня. Подумав, он согласился и поехал с ними.

По дороге домой машина неслась с огромной скоростью. У Е Ваньсина, похоже, началась аллергическая реакция на препарат в вине. Лицо Цинь Цуна было настолько мрачным, что, казалось, с него вот-вот потечёт вода. Никто не смел громко дышать. Машина мчалась, и только когда они приехали домой и врач подтвердил, что у Е Ваньсина лишь лёгкая аллергия, все немного расслабились.

Хотя Цинь Цун почти потерял рассудок, дворецкий всё устроил как надо. Он распорядился, чтобы позаботились о спящем Цинь Хуае, не забыл о Ци Дуне и только потом подошёл к Цинь Цуну с беспокойством на лице.

— Снова... приступ? — только он во всём доме осмеливался задать этот вопрос. Цинь Цун смотрел на беспокойно спящего юношу на кровати и молчал. Он просто упрямо не сводил с него глаз.

Дворецкий, видя его молчание, вздохнул и, переведя взгляд на юношу на кровати, о чём-то задумался. В конце концов, он тихо вышел и закрыл за собой дверь, оставив их вдвоём.

Цинь Цун не спал всю ночь.

Стоило ему закрыть глаза, как он снова видел эту сцену. Растерзанный юноша был слишком реален, и он уже не мог понять, кто настоящий: тот, что спит в кровати, или тот, что лежит в луже крови.

Прошла ночь, и Е Ваньсин наконец-то проснулся. Открыв глаза, он увидел мужчину, тихо сидящего у кровати, с глазами, полными красных прожилок.

— Ты проснулся, — голос был более хриплым, чем обычно. Е Ваньсин сразу понял: этот мужчина не спал всю ночь!

— Да, я проснулся, — как приручённый зверёк, Е Ваньсин прижался к мужчине, пытаясь согреть его своим теплом.

Цинь Цун молчал. Он просто сидел, как каменное изваяние, пугающе тихо.

Е Ваньсин постепенно понял, что что-то не так. Он поднял голову и увидел, что глаза Цинь Цуна, полные красных прожилок, были неподвижны.

Он осторожно коснулся века Цинь Цуна, и мужчина наконец-то отреагировал. Его застывшая

шея медленно повернулась, и его взгляд остановился на Е Ваньсине в его объятиях. Этот странный взгляд Е Ваньсин не мог игнорировать.

— Ты проснулся, — холодная ладонь коснулась щеки Е Ваньсина. Те же слова заставили Е Ваньсина что-то заподозрить. Он хотел было что-то сказать, но нежный, томный поцелуй, впервые инициированный этим мужчиной, коснулся его губ.

Нежные губы и язык передавали беспокойство мужчины, его нежность и любовь. Уголки глаз Е Ваньсина потеплели, и он послушно приоткрыл губы, впуская его, обмениваясь безмолвным диалогом, словно два сердца, обменивающиеся дыханием, открывая друг другу самые сокровенные чувства.

<http://bllate.org/book/14939/1324050>